

Он приезжал в Астрахань с цирком, но чаще без – скорее всего, у него здесь проживала дальняя родня. Впрочем, именно в этом южном городе ещё в августе 1960 года во время гастролей армянского цирка произошла сенсация: начинающий ковёрный клоун Леонид Енгибаров внезапно сделался гвоздём программы, он один, а не привыкшие задавать тон гимнасты или дрессировщики зверей со стажем. Полный аншлаг на каждое представление, и именно из-за него! Билеты оказалось невозможно достать, у входа толпились настойчивые желающие «приобрести лишний билетик». Впервые после полосы неудач, начиная с обидного провала дебюта на манеже Новосибирска, к нему пришёл оглушительный успех, который постоянно сопутствовал ему в дальнейшем до самой смерти. В областной партийной газете напечатали первое в его жизни объёмное интервью. Те первые удачные гастроли в Астрахани оказались для него творческим стартом в будущее. Потом последовали триумфы в Москве, Ленинграде, Одессе, Ереване, Баку, Кракове, Варшаве. Всего через четыре года, в двадцать девять лет, на международном конкурсе в Праге его назвали лучшим клоуном Европы и вручили первую премию – Кубок имени Э. Басса (известного чешского писателя, автора знаменитого «Цирка Умберто»).

Астрахань тогда являлась одним из городов, в котором со времён «хрущёвской оттепели» имелся свой постоянный «бродвей», в просторечии «брод» – несколько сот метров на пересечении центральных улиц, где по вечерам, как много позже стали говорить, «тусовалась» молодёжь. Своего рода бесплатный клуб для всех под открытым небом.

Там встречались со знакомыми и заводили новые знакомства, ходили себя показать и на других посмотреть. Прогуливались перед тем, как идти на танцы или отправиться на боковую. Все редкие вечерние водители знали о стихийной пешеходной зоне и старались объезжать её стороной.

В центре «брода» находилось демократичное кафе «Лотос», упорно именуемое в народе «Белой лошадью» или просто «Лошадью». Но многие предпочитали для общения всяческие стихийно образующиеся «временные кафешки», где можно было перед тем, как идти куда-то на танцы, распить с приятелями бутылку-другую крепленого вина и закусить плавленым сырком «Дружба». Самыми популярными из них долго оставались «Зубок» (вечно открытый вестибюль стоматологической поликлиники), «Сквозняк» (ближайший проходной двор, через который удобно было убежать от милиции), магазин автоматов с газированной водой, да и два сквера с лавочками всегда были рядом.

Каждый вечер там собирались сотни молодых людей, в праздники и выходные счёт шёл за тысячу. Не каждый город мог похвалиться подобным. Уже ближе к середине 70-х в столичной «Комсомолке» появились две большие статьи про астраханский «бродвей» под названием «Стометровка», вовсе не ругательных, в которых просматривалось больше восторга и зависти к такому явлению. Тем не менее, они подтолкнули местную власть установить две камеры видеонаблюдения и провести операцию с использованием милицейских «луноходов» и десятков сотрудников для массовых задержаний. После чего за одну-две недели от «брода» остались только воспоминания, молодёжь отныне стала прятаться по дворам и подъездам.

Разумеется, Леонид не мог миновать местную достопримечательность. Там я его и увидел впервые вживую.

Ещё будучи учеником пятого или шестого класса, видел по местному телеканалу несколько пантомим Енгибарова, потрясших исполнением и скрытым смыслом. Мы с одноклассниками несколько дней сходили с ума, пытаясь повторить на переменах то, что необычный мим легко творил в сценке «На вокзале», известной потом как «Обнимашки». Разумеется, не получалось, гибкости не доставало, хотя руки у многих выглядели намного длиннее относительно собственных тел, чем у молодого удивительно пластичного артиста с голубого экрана...

Он пришёл на местный «брод» то ли со знакомыми, то ли с родственниками. Вокруг немедленно собралась группа, сначала десятка в полтора человек, угощал всех он – поставил несколько бутылок вина. Потом кто-то неизбежно уговорил Леонида показать что-то своё. Как же без этого!

Врезалась в память знаменитая стойка на одной руке – «крокодил». Утверждали, никто в мире так не может. Он вывел всю компанию в центр «брода» на перекрёсток самых важных улиц города, на одной из которых размещались администрация и обком партии, а на другой областное управление МВД. Без разминки неожиданно сделал стойку на двух руках, затем одну отвёл в сторону и, удерживаясь на второй, плавно, без напряжения, распластал тело параллельно асфальту. На манеже цирка в таком положении он прикладывал свободную ладонь козырьком ко лбу, пытливо и внимательно озирая окрестности. Здесь же принял в неё услужливо поднесённую открытую бутылку вина и, оставаясь всё в той же позиции на одной руке, запрокинул голову, на-

сколько было возможно, и выпил без отрыва из горлышка. Жаль, тогда не было возможности заснять подобное.

Делюсь этим не ради какой-то «клубнички», а как свидетельством его подготовки и способностей. Каждый следующий вечер мы выходили на «брод» с надеждой увидеть Леонида, пока кто-то не сообщил, что он давно уехал.

Только через год-другой повезло снова увидеть его на нашем «бродвее» в сквере с памятником Кирову. Не заметить Енгибарова, вокруг которого моментально собиралась молодёжь, оказалось невозможно. Каждый стремился приблизиться к нему, о чём-то спросить, высказать восхищение, и у него всегда находилось время и терпение выслушать и ответить шуткой или просто пожать руку всякому желающему, никто не оставался обделённым. Если это и доставало его, то внешне раздражение никак не проявлялось. Ни на кого не смотрел он свысока и вовсе не его невеликий рост был тому причиной, но с каждым общался как с равным, и при том не чувствовалось никакой разницы в возрасте, хотя обычно он оказывался старше собравшихся завсегдатаев «брода».

Леонид приносил с собой атмосферу праздника. Стоило ему изобразить мимоходом лишь намёк на сценку из своего мимического репертуара, окружение взрывалось восторгом. Надо было видеть, с каким благоговением смотрели на него даже не видевшие его выступлений прежде. Это не походило на безумие почитателей эстрадных звёзд, лезущих урвать лоскут одежды или клочок волос с головы своего идола. Хотя время было другое, но и наш провинциальный городок успел познать психоз фанатов рок-групп из Польши и Венгрии, которых приходилось защищать кордонам местной милиции. Енгибаров точно обладал тем, что позже определили «харизмой», и запросто мог бы стать лидером молодёжного движения, но ему это было совершенно неинтересно.

Ни тогда, ни после он диссидентом не был, даже на полдиссидента не тянул, хотя к этому упорно толкали внешние обстоятельства и чиновники. Он просто делал то, что считал для себя наиболее важным.

«Цирк – самое честное искусство, – его собственные слова, – стойку на одной руке по телефонному звонку из райкома не сделаешь».

Одному из немногих своих друзей Леонид недвусмысленно признался: «Для меня легче убить человека, чем совершить революцию».

Понять философские взгляды Енгибарова невозможно, если не перечитать его лирические рассказы-притчи, которые печатались в журналах «Волга», «Москва», «Урал» и вошли в авторский сборник «Первый раунд», изданный в 1971 году в Ереване. Вторая его книга «Последний раунд» увидела свет уже посмертно.

«На гибких ветвях человеческих жизней – узорчатые зеленые листочки.

Листья Добра – их больше всего, нежные листья Любви и листья Страха – они обычно растут где-то внизу, их мало.

Листья Верности, может быть, не самые красивые, но наверняка самые необходимые...

Есть листья не похожие на другие, ни в каких гербариях не описанные, они встречаются редко, и их надо особенно беречь. Качаются под ветром живучие гибкие ветви, но рано или поздно приходит осень, облетают пожелтевшие от времени листья, и очень важно, чтобы узор

ковра, который они выстелят на земле, был светлым, звонким и чистым.

«Это очень важно для будущей Весны»*.

«На закате, под деревом, у реки кто-то поцеловал девчонку.

Потом были племена, государства, войны, олимпиады, восстания, Освенцим, свобода, гении, миры, вселенная. Это всё было потом.

Но вначале во вселенной, в одной из галактик, на планете около солнца, у реки, на закате, под деревом кто-то поцеловал девчонку»**.

Будучи в Праге, Енгибаров удрал с певцом Карелом Готтом, «золотым чешским соловьём» на границу с Австрией и оттуда позвонил прикрепленному сотруднику КГБ: «Я в Австрии! Мне сейчас приезжать обратно или оставаться?!» Таким эпатажем он наверняка хотел показать надзирателям, что у него и в мыслях нет предавать или покидать родину. Разумеется, после этого его сделали «невъездным».

Конечно, из-за своей непредсказуемости при почти магическом воздействии на зрителей, особенно молодёжь, он не мог не представляться опасным для власть предержащих.

Наверняка за каждым его шагом пристально следили, слишком он был замечен. А цирковые мэтры, поначалу снисходительно к нему относившиеся, а затем немало обеспокоенные его оглушительным успехом, постоянно пытались направить его самобытность в «нужное» русло, пригладить новаторство реприз, а то и просто не давали ему хода.

Когда впервые увидел миниатюру «Катушки», сразу подумалось: это же насмешка над Брежневым! Так сказать, не в бровь, а в глаз. Она появилась в репертуаре Енгибарова в конце шестидесятых, наградной «звездопад» генсека уже начался. Если звезда Героя Советского Союза на его выпяченной груди смотрелась одиноко, поджидая трёх младших сестёр, уже в 1971 году компанию ей составили пять из будущих восьми орденов Ленина.

И всякий раз, просматривая позже записи того номера, убеждался в правильности первого впечатления.

И вдруг такая внезапная, неожиданная для всех смерть в 37 лет...

С учётом странных расхождений в описаниях причин и подробностей происшедшего закралось подозрение: а может, автора-исполнителя блестящей жёсткой сатиры попросту устранили? Техническое исполнение могло не составить труда, пресловутый «укол зонтиком» случайного прохожего или ещё что. Арсенал средств, вызывающих фибрилляцию или паралич сердца, и тогда был избыточен: от ядов определённых змей и пауков до курареподобных, да и мало кому известная горная трава, вызывающая инфарктоподобное поражение миокарда, существует в реальности. Долго не мог избавиться от подобных сомнений, хотя во времена СССР, в отличие от постсоветских 90-х, решение о ликвидации кого-либо могло быть принято только на самом высоком уровне.

Возникал неизбежный вопрос: а видел ли эту пародию на себя сам Леонид Ильич, и как к ней отнёсся в таком случае? И вот совсем недавно нашёл в Интернете свидетельство Иосифа Петросяна, бывшего худрука, затем директора Ереванского госцирка, основателя цирковой

* Леонид Енгибаров, миниатюра «Листья» из сборника рассказов «Последний раунд» (изд-во «Советакан грох». Ереван, 1984).

** Леонид Енгибаров, миниатюра «Вначале» из сборника рассказов «Последний раунд» (изд-во «Советакан грох». Ереван, 1984).

династии и профессора, защитившего в ГИТИСе диссертацию именно по творчеству Енгибарова. Когда-то Леонид сам пригласил его в свою труппу. Не верить словам Петросяна нет никаких оснований:

«В 1970 году на торжества в честь 50-летия Советской Армении труппу Енгибарова вызвали в Ереван. На главном концерте в Театре оперы и балета должен был присутствовать Брежнев.

– Енгибарова попросили выступить. “Бери катушки, поехали!”, – сказал он мне. Ты помнишь этот номер – когда клоун “вручает” себе медали, и в конце они вываливаются у него из пиджака, из шляпы? День до концерта. На репетицию приходит министр культуры Армянской ССР, смотрит номер и в ужасе машет руками: “С ума сошли! Это показывать нельзя! Вы знаете, что Брежнев весь в наградах? Обидится!” Енгибаров непреклонен: “Буду делать только этот номер... Сос, забирай реквизит, поехали”. Мы вернулись в цирк. Вечером, перед спектаклем, снова пришел министр: “Прошу вас, сделайте что-нибудь другое”. – “Только это!”

Назавтра концерт. Выступают именитые артисты из всех союзных республик. В правительственной ложе рядом со сценой – дорогой Леонид Ильич. На арене – клоун-тёзка. За кулисами – Сос Петросян.

– Одну катушку подаю, другую забираю. Бросаю – ловлю. А сам глаз не свожу с Брежнева. Минута, другая... И вдруг он так начинает хохотать! Ты не представляешь, как понравился ему номер!»*

Вспомнился анекдот:

«– Леонид Ильич, какое у вас хобби?

– Собираю о себе интересные анекдоты.

– И как успехи?

– Уже три с половиной лагеря собрал».

Утверждения родственников Брежнева, что Леонид Ильич очень лояльно относился к анекдотам о себе, не вызывают особого доверия, странно было, если бы они утверждали другое.

Но свидетельства посторонних заслуживают внимания:

«– ...Значит, Брежнев знал об анекдотах, над которыми рыдала вся страна?

– Знал, конечно. И говорил: “Если рассказывают обо мне, значит, любят меня...”» (Из беседы П.Е. Шелеста с историком Ю.В. Аксютиным.)

«– В советскую эпоху о Брежневе ходило немало анекдотов. Как он относился к этому?

– Анекдоты о себе Брежнев слушал с удовольствием. К слову, он и сам был хорошим рассказчиком. Свои выступления перед прибывшими с визитом делегациями часто начинал с какого-нибудь анекдота. Все развеселятся, ну а потом начиналась серьёзная работа». (Из интервью личного фотографа генерального секретаря Владимира Мусаэльяна Ольге Сметанской.)

Впрочем, далеко не факт, что у Леонида Ильича хватило тогда самокритичности отнести эту репризу на свой счёт. Да и герой Енгибарова навешивал на себя не звёзды и ордена, а просто безликие символические медальки, и сатира та заведомо адресовалась не одному человеку, а обличала тщеславие и кичливость раздутыми успехами всего сословия чиновников-бюрократов. Однако цензоры и цирковые администраторы всё прекрасно поняли, в дальнейшем номер странным образом исчез из репертуара Леонида.

* Из интервью Иосифа Петросяна Татьяне Улановой «Мимо мима не пройдешь» (газета «Культура», 13.03.2015).

Правда, в 1972 году реприза вошла эпизодом в телевизионный предновогодний фильм «Карнавал» творческого объединения «Экран», представлявший по сути набор клоунских номеров.

Определённо, до крайности дело дойти не могло, не те уже были времена. Ну могли пожурить, провести беседу, что, видимо, не раз и происходило. Даже для судебного преследования не имелось никаких оснований. И всё же, «...он делал баланс на катушке. Сначала падал, потом сам себя награждал медалью – раз на грудь! К концу трюка он уже весь был в медалях, и даже на спине висела здоровенная медаль! В те времена это был весьма небезобидный трюк».*

Тем не менее, его прессовали по полной, буквально перекрывали кислород. «Катушки» при этом оказались всего лишь незначительным эпизодом. У Леонида имелись репризы и похлеще, от которых строгие блюстители социалистической морали впадали в ступор. Их стараниями подобное обычно не показывалось на арене. Но те, кто смог увидеть эти миниатюры в малых аудиториях, в узком кругу или вообще в стенах обычных квартир, буквально рыдали от смеха.

«...Лёня выступал не только на манеже. Он выступал и на сцене с номерами пантомимы. Были у него и пантомимы только для “домашнего” исполнения. Он их показывал в кругу друзей, когда собирались дома компаниями (шестидесятые!).

Была, например, пантомима “скульптор”. Лёня “выносил” две глыбы глины и “лепил” из одной фигуру женщины, а из другой – мужчины. Постарайтесь представить, что и как “лепил” Лёня и что отражалось при этом на его лице. И на наших лицах.

Была еще пантомима: “Кто как ходит в туалет”. В туалет “ходили” фашист, антифашист, партизан и старик. Представили? Хорошо.

Другая пантомима: “Что делают памятники, когда мы спим”. Изображались московские памятники: “Юрий Долгорукий” перед Моссоветом. Ночью Юрий слезал с коня и убирал из-под него навоз. “Маяковский” на площади Маяковского на Садовом кольце. Ночью Маяковский доставал из широких штанин... бутерброд. Всего лишь бутерброд, завернутый в газету. Разворачивал его и ел, старательно пережевывая маяковскими челюстями. “Максим Горький” на площади Белорусского вокзала. Всю ночь нет покоя от спящих пассажиров. Терпению памятника приходит конец. И Горький суковатой палкой, на которую опирался, с высоты своего положения побивает суетящихся пассажиров, как тараканов. “Карл Маркс” на Охотном ряду лицом к Большому Театру. Рука сжата в кулак. Сам он как трибун на трибуне. Он грозно оглядывает то, что получилось, гневно поднимает кулак и произносит “слова”, которые можно произнести только в пантомиме без слов...»**

И чем больше нарастала всенародная любовь и признание, тем большему давлению он подвергался.

Увы, не только бюрократы-чиновники и цензоры разных уровней принимали в том участие. Известные клоуны Олег Попов и Юрий Никулин не могли смириться с победами талантливого, во многом превосходившего их и обладавшего завидной работоспособностью смелого новатора. Енгибарову всячески мешали, его просто изводили. Особенно усердствовал Олег Попов, в то же время, используя своё положение, не гнушался заимствовать идеи молодого конкурента.

* Юрий Никулин, «Почти серьёзно...» (М., Изд-во «Молодая гвардия», 1979).

** Жан Давидян, «Клоун», эссе («Литературная Армения», сентябрь 2002).

Остаётся фактом, что Олег Попов без спроса присвоил находку Енгибарова – «охоту на солнечный луч», именно благодаря этой сценке Попова стали называть «солнечным клоуном». Правда, использована была только сама техническая идея, при этом вышла удачная, но всего лишь «хохма», передать же глубокую суть и лиричность енгибаровского номера не было под силу никому.

Вот как это выглядело в оригинале у Леонида:

«...На арене на скамейке сидит девушка. Она нравится Клоуну. Но он робеет, ему нечего подарить ей. Она его не замечает.

Клоун ловит на арене солнечный зайчик – луч прожектора, “собирает” его в кулак и преподносит его девушке. Девушка равнодушно берет его, этот свет и... уходит, не обернувшись. Клоун остается на арене растерянный, одинокий...»*

Щепетильный в таких вопросах Леонид навсегда исключил репризу из своего репертуара и только махнул рукой: «Я Создаю Номера, пусть берёт...»

Старший «товарищ по цеху» не только не посчитал нужным поблагодарить, но и никогда и нигде не упоминал, что отчасти обязан своим успехом и фирменным прозвищем недавнему дебютанту. Впрочем, такое происходило не единожды. Леонид жаловался своему близкому приятелю, что ещё на выпускном экзамене в училище, когда он демонстрировал придуманный им номер «свободная проволока», присутствующий там мэтр запомнил находку неизвестного выпускника и сам беззастенчиво использовал в дальнейшем.

Уже работая в одном цирке, Леонид не раз уничижительно отзывался о старшем коллеге: «У Попова дома всего семь книжек, да и те сберегательные».

Сам же он всегда стремился к оригинальным, наполненным глубоким смыслом ролям и сольным выступлениям.

«Леонид Енгибаров настолько одарён и так органичен для цирка, что он уже представляет опасность для других номеров программы!» – точно подметил известный в то время писатель-сатирик Виктор Ардов.

«Как правило, коверный своими репризами заполняет паузы между выступлениями других артистов, – вспоминал тот же И. Петросян. – У Енгибарова было наоборот: мы заполняли промежутки между его миниатюрами. Поистине уникальное явление. Зрители в те годы ходили в цирк специально “на Енгибарова”, и мы этим искренне гордились. Помню, в 1969 году в Московском цирке на Цветном бульваре шло вообще уникальное представление: в программе, кроме Енгибарова, было всего несколько артистов! Представляете, какая это нагрузка?»**

В одном из своих последних интервью Леонид признался:

«Мне не раз говорили, одни – констатируя, другие – злясь, третьи – возмущаясь, что, когда я работаю на арене, это становится чуть ли не главным в программе. Говорили, что так нельзя, не принято, не годится... С одной стороны, меня это радовало. Выходит, я не просто заполнитель пауз, а артист со своей ролью, развивающейся от репризы к репризе, со своим характером, образом.

Однако я не мог не соглашаться и с критикой. И выход из этого положения я вижу именно в создании своего театра с моноспектаклями,

* Там же.

** Из интервью Иосифа Петросяна Татьяне Улановой «Мимо мима не пройдешь» (газета «Культура», 13.03.2015).

где останутся мои репризы, клоунады, где появится масса новых трюков, но где все будет объединено одной идеей».*

Справедливости ради надо заметить, что и сам Енгибаров немало вредил себе своим вспыльчивым характером, на обиды и провокации интриганов отвечал незамедлительно и с «открытым забралом», не раздумывая особо, но резко и точно по адресу, невзирая на чины и звания.

«...армянский цирк впервые решили отправить на гастроли в скандинавские страны. Из Москвы к артистам приехал управляющий Союзгосцирка. Посмотрев программу, собрал всех, сказал немало добрых слов. Отметил особую роль Енгибарова и в конце попросил его: «Эти скандинавские страны, для них вы – русский цирк. Леня, сделай какую-нибудь репризу в русском народном стиле». Ответ Енгибарова был как ножом: «Да пошел ты...» Управляющий, конечно, обиделся, и в результате вместо армян на гастроли поехал цирк Олега Попова. Таков был Енгибаров – никогда ничего не делал на заказ, не принимал вмешательства. И не мог промолчать».**

В своей краткой «Автобиографии» он бескомпромиссно признаётся: «Заповедь “ударил по правой щеке, подставь левую” считаю в корне ошибочной». Ну чем не настоящий гасконец?! И на арене, и за пределами цирка он жил одной жизнью, всегда оставаясь самим собой. Поэтому в отличие от других клоунов «доенгибаровской» школы он не нуждался в создании придуманного для представлений искусственного образа, не прятался за хитроумно слепленной маской. Именно поэтому безошибочно находил дорогу прямо к сердцам зрителей.

Однако, словно по гипотетическому закону людской подлости, с каждым успехом Енгибарова и ростом признания нарастал и этот прессинг, функционеры создавали ему всё более невыносимые для работы условия.

О его малейших проступках, действительных или мнимых, тут же докладывали во все доступные инстанции.

Свидетельствует Юрий Белов:

«— У него были нервные срывы. Но скажите, у артиста, звезды, которого не выпускают за границу соцлагеря, могут быть срывы? Могут. Или распускали сплетни, что он хронический алкоголик. А мы в это время в гастрольных поездках пишем сценарии для новых спектаклей, и тут я увидел, как некоторые коллеги, которые завидовали ему, просто его сжирали. Вот только один эпизод – его обвинили в изнасиловании.

– Расскажите.

– Он работает в Баку, в цирке. Я уезжаю в Москву на три дня по делам. Возвращаюсь и не узнаю его – ходит как сомнамбула, бормочет про себя: “Они убьют меня, убьют...” Оказывается, пока меня не было, за кулисами появилась его поклонница – девушка лет двадцати. Причём армянка, плохо говорила по-русски. Потом Лёня мне рассказал, что утром к нему в номер постучались. Он открыл. Стояла эта девица и пыталась войти. Он её не впустил, а оставил в коридоре. Она не ушла. В это время из своего номера вышел один из ведущих артистов. “Почему ты здесь?” – спросил её. Она молчит. “Ты была у него в номере?” Молчит. “Он тебя выгнал?” Она заплакала. Со словами: “Ах, какая сволочь, выгнал девушку”, – артист ушёл.

* Из интервью Владимиру Шахиджаняну в 1972 г., опубликованного уже после смерти Леонида Енгибарова («Как важно быть серьезным». «Смена», 1973. № 13).

** Эдуард Аянян, Герберт Багдасарян, «Волшебное молчание клоуна» (журнал «Ерван», 2005, № 5).

Артист тут же позвонил в главк и сообщил, что стал свидетелем, как Енгибаров выгнал девушку из своего номера, и, по всей вероятности, это изнасилование. Слава богу, в этот момент ко мне приехал мой ученик Сосо Петросян. Он-то и разобрался в этой истории. И тогда она рассказала, что ничего между ними не было. Просто этот артист, с очень большим именем (не хочу называть его фамилию), хотел насолить Лёне. И таких случаев в его жизни было множество. И его это убивало. Лёню, надо сказать, это выматывало. “Всё, я устал, надо уходить из цирка”, – часто повторял он. И в один прекрасный день ушёл.*

К сожалению, такого рода случаев хватало... Как же надо было довести Леонида, чтобы его отчаянный крик, выплеснувшийся миниатюрой на бумагу, выглядел после его смерти завещанием?!

«Не обижайте человека.

Зря, просто так обижать человека не надо. Потому что это очень опасно. А вдруг он Моцарт? К тому же ещё не успевший ничего написать, даже “Турецкий марш”. Вы его обидите – он и вовсе ничего не напишет. Не напишет один, потом другой, и на свете будет меньше прекрасной музыки, меньше светлых чувств и мыслей, а значит, и меньше хороших людей.

Конечно, иного можно и обидеть, ведь не каждый человек – Моцарт, и всё же не надо: а вдруг...

Не обижайте человека, не надо.

Вы такие же, как он.

Берегите друг друга, люди!»**

Когда его учителя, друга и партнера Юрия Белова не выпустили вместе с ним на зарубежные гастроли, Енгибаров покинул «Союзгосцирк». Такая несправедливость переполнила чашу терпения талантливого артиста, как никогда прежде жаждавшего всемирного признания и чувствовавшего, что это ему по силам и он того заслуживает по справедливости.

«Я многим обязан Юрию Павловичу Белову. Этот человек сделал меня. Я ему во всем доверяю», – так честно определил Леонид роль старшего товарища в своей творческой карьере.

Никто точно не знает и никогда уже не узнает, скольких душевных сил и здоровья стоило Леониду добиться осуществления мечты всей своей жизни – создать собственный эстрадный театр пантомимы, труппу которого составили бы его ученики и последователи. Вместе с Ю. Беловым они поставили моноспектакль «Звёздный дождь», показанный в Ереване и в Москве.

В Министерстве культуры встретили это начинание уже известного во многих странах артиста со скрежетом зубным. Никак не вписывалось ломающее строго регламентированные цирковые каноны искусство Енгибарова в социалистическую культуру. А ну как ещё и деньги потребует на обустройство этого чуждого для советских граждан предприятия? Назвать свой коллектив «Театром Енгибарова» сразу не позволили. «Какой ещё может быть театр? Назовите просто – ансамбль». Выбора не оставили. На первых афишах так и стояло: ансамбль. Пропагандировать спектакль запретили. Уже законченный восторженный

* Из интервью Юрия и Татьяны Беловых Марине Райкиной «Грустная дата грустного клоуна» («Московский Комсомолец», 24.07.2006).

** Леонид Енгибаров, миниатюра «Не обижайте человека» из сборника «Первый раунд» (Ереван, 1972).

отзыв-рецензию на «Звёздный дождь» обозревателя газеты «Советская культура» не пропустили с кратким пояснением: «Тема сейчас нежелательна».

Выходит, причин надорваться даже такому физически тренированному и уверенному в своей правоте и в конечной победе борцу, как Енгибаров, имелось с избытком.

Но как же быть с непонятным разнобоем версий его трагической кончины? Даже популярный тележурналист Андрей Караулов в своей передаче «Леонид Енгибаров» почему-то посчитал возможным заявить:

«До сих пор считаю, что официальные источники писали неправду о смерти Енгибарова, то есть, что он умер дома».

Что же писали официальные источники и писали ли они о смерти артиста вообще?

Наибольшую сумятицу и шум внесла Марина Влади. До сих пор чаще всего в Сети встречаются цитирования и перепосты её эмоционального свидетельства. В своей книге о Высоцком* она описала, как кто-то позвонил им домой и сообщил, что Енгибаров умер «от сердца» прямо на улице в центре Москвы и никто не пришёл к нему на помощь.

Правда, видимо, только то, что кто-то, оставшийся до сих пор неизвестным, ввёл в заблуждение намеренно или нет народного барда, восхищавшегося талантом Енгибарова. Это привело к рождению лучших строк о Леониде из всего написанного о нём. «Шут был вор: он воровал минуты...»** К сожалению, тот, кому адресовались эти великолепные, просто выстраданные стихи, уже не мог их ни прочесть, ни услышать. Получился своеобразный поэтический венок таланту от таланта.

Претендующую на «оригинальность» версию высказал Арчил Гомиашвили, ресторатор, бывший киноактёр:

«— ...Самого Лёньку Енгибарова я вытолкнул в славу. Он был моим дружкой».

— Невероятно, ведь Енгибаров непревзойденный клоун, гений. И вы начинали вместе?

— В нём сочеталось что-то такое, чем он без слов попадал прямо в человеческую душу. Как он это всё придумывал удивительно. У него был потрясающий номер под громовые аплодисменты. Когда он уходил с манежа и просто становился спиной к залу, он то замирал, то дергался, и ни словечка. Ни одного фальшивого движения. А в зале гром. Я даже не обижаюсь на него за то, что он сказал моей Танечке, будущей жене, чтоб она не выходила за меня замуж. Все его шутки были безобидными.

— Как вы думаете, отчего же он умер — молодой, гениальный, любимый?

— Да, смерть его трагична. Думаю, что его довёл Олег Стриженов. Енгибаров был искренним парнем, но ему почему-то казалось, что ему не хватает своей славы, и он тянулся к знаменитым людям. И он пил и загуливал с Олегом. В ту ночь они сильно набрались и, видимо, ширнулись. Утром Лёня кого-то послал за молоком. Выпил стакан, и тромб остановил его сердце»***

Хотя неоднократно поминаемая непосредственная причина смерти — «тромб» тут не оспаривается, возникает сомнение, насколько правди-

* Влади М., «Владимир, или Прерванный полет». М.: Прогресс, 1989.

** Владимир Высоцкий, стихотворение «Енгибарову — от зрителей».

*** Из интервью А. Гомиашвили корреспонденту «Факты и комментарии» от 15.07.2004.

вым и объективным может быть актёр-неудачник, знакомый многим лишь как исполнитель роли Остапа Бендера в фильме Л. Гайдая, притом и не им озвученной?

По различным свидетельствам, Олега Стриженова в то время в Москве не было, он возвратился со съёмок уже после смерти Леонида. Именно из-за активного участия его и Ролана Быкова Енгибарова удалось достойно захоронить на Ваганьковском кладбище. Интересно, где тогда находился и чем занимался «другок» (как он сам себя назвал) Арчил Гомиашвили?

В своей публицистической книге в главе о Енгибарове Фёдор Раззаков приводит воспоминания самого Олега Стриженова:

«Однажды, когда я вернулся в Москву из очередной экспедиции в семьдесят втором году (Стриженов снимался во Львове в фильме “Земля, до востребования”. – Ф.Р.), раздался звонок Юры Белова, работавшего режиссером у Енгибарова в коллективе:

– Олег Александрович, приготовьтесь...

– Что случилось?

– Лёня умер.

Вскакиваю в машину, мчусь на квартиру к Енгибарову в Марьину Рошу, где он жил в деревянной бревенчатой двухэтажке с мамой. Застаю Лёню ещё тёплого, лежащего на диване. Над его головой висит мой портрет в роли Треплева из “Чайки”. Он умер, а казалось, что спит. Остановилось сердце. Лёня писал, что любил больше других великолепную четверку – меня, Васю Шукшина, Юру Белова и Ролика Быкова...

...Мы с Роланом Быковым ходили в Моссовет выбивать для Енгибарова место на кладбище. Похоронили на Ваганькове, если встать лицом к входу в храм, то слева, в нескольких десятках метров от церкви. Потом армяне поставили ему памятник: Енгибаров под рваным зонтом (из его этюда; скульптор Геннадий Распопов)*.

Самый обстоятельный и вдумчивый биограф Енгибарова Р.Е. Славский, сам бывший цирковой артист, клоун и режиссёр цирка, описал, как пытался выяснить обстоятельства смерти непосредственно у матери великого артиста.

«23 октября 1972 года. Снова встретился с Антониной Андриановной... Наконец я собрался с духом и спросил – как же все произошло? Из рассказа Антонины Андриановны узнал, что сын вернулся из поездки простуженный, переносил на ногах ангину. “Ангина у него часто бывает”. И тем не менее каждое утро уходил на репетицию в “Зеленый театр” на ВДНХ. Домой возвращался поздно ночью. За день до кончины пожаловался: “Потянул мышцу”. Чувствовал боль в лопатке. Был не в духе, ничего не ел...

Я попросил показать мне свидетельство о смерти. Там значилось: “Хроническая ишемическая болезнь сердца”.

“Какая же болезнь, когда врачи ему всегда говорили: с таким сердцем можно сто лет прожить?” – И добавила, что когда сделали вскрытие, то оказалось: причиной внезапной смерти стал тромб, как следствие болезни ангиной».**

Вспоминает Татьяна, жена Юрия Белова:

«— Спустя несколько лет няня нашего второго сына, когда увидела портрет Лени, сказала, что работала диспетчером на “скорой помощи”

* Федор Раззаков, «Последние дни и часы народных любимцев». М., ЭКСМО, 2005.

** Славский Р.Е., «Леонид Енгибаров». Изд-во «Искусство», 1989.

и помнит тот случай. Если бы, сказала она, его привезли в больницу и сделали операцию на сухом сердце (она так и сказала, “на сухом”), он бы остался жить. Но тогда мало кого спасали – медицина была на первобытном уровне. К тому же он не был член ЦК КПСС, важным начальником или что-то вроде этого. Обычная “скорая” поставила диагноз – отравление, а у него были все признаки инфаркта. И тогда мы узнали, что у него было больное сердце. Вульгарная смерть гениально-го человека.

Так что все сплетни, что он спился или умер от пьянства, – сплетни людей, не имеющих права его судить. Он умер в чистой постели, в чистом доме своей матери».*

(В 1981 году Юрий и Татьяна Беловы уехали в США. Там Юрий читал лекции о Леониде Енгибарове, преподавал клоунское мастерство в нью-йоркском университете. Беловы сделали клоунский спектакль, посвящённый Леониду Енгибарову).

«...Как я потом узнал, 25 июля 1972 года лист за листом ротационные машины печатали девятый том Энциклопедии. Леонид Енгибаров входил в историю. И именно 25 июля 1972, как мне потом рассказали, вечером Леонид Енгибаров крикнул: “Мама, у меня всё горит в груди, помоги мне!” Вызвали скорую помощь... Но приехал неквалифицированный врач, поставив диагноз отравление, доктор покинул умирающего клоуна. А когда приехала вторая машина “скорой помощи”, было поздно – Леонид Енгибаров умер. Смерть наступила от обширного инфаркта, как говорили раньше, от разрыва сердца».**

Всё перечисленное определённо доказывает, что случился всё-таки инфаркт.

Однако непонятно, почему в свидетельстве о смерти выставили: «Хроническая ишемическая болезнь сердца». Такой диагноз ставится как «шапка», заголовок для последующей конкретики, определённой общепринятой нозологической единицы, например: «инфаркт миокарда». Только при диагнозе инфаркта, да ещё внезапно и в таком возрасте, по всем правилам оформления медицинской документации должно было бы стоять: «ИБС: острый инфаркт миокарда».

Для постановки «хронической» формы в 37 лет, а диагноз вряд ли ставился кем-то «с потолка», должно иметься веское обоснование из анамнеза болезни и патологоанатомического вскрытия, показавшего бы, кроме острого инфаркта, изменения миокарда и коронарных сосудов, которые никак не могли произойти за 1–2 дня. Инфаркт миокарда вполне мог сочетаться с образованием тромба, даже развитием тромбоэмболии. Но без точных патологоанатомических данных гадать об этом бессмысленно.

Скорее всего, на вызов к умирающему Енгибарову прибыла линейная бригада скорой помощи, не имевшая электрокардиографа. При инфаркте миокарда задней стенки, граничащей с желудком, поначалу часто наблюдаются симптомы только со стороны желудочно-кишечного тракта из-за рефлекторной передачи раздражения от поражённого участка сердечной мышцы. Так называемая «абдоминальная форма» болезни. Тут возможны и симптомы отравления, и даже сходство с острым аппендицитом. Решающими для правильной диагностики и

* Из интервью Юрия и Татьяны Беловых Марине Райкиной «Грустная дата грустного клоуна» («Московский Комсомолец», 24.07.2006).

** Юрий Никулин, «Почти серьёзно...». М., «Молодая гвардия», 1979.

в те годы являлись данные кардиограммы. Так что ошибка врача обычной скорой помощи, заподозрившего отравление, не удивляет. Но опытный врач должен был бы немедленно вызвать кардиологическую бригаду, чтобы посредством ЭКГ исключить худшее.

Что же вообще известно о здоровье Леонида, особенно о состоянии его сердечной мышцы и коронаров в последние годы его жизни? Почти ничего. Сам же он на физическое самочувствии не жаловался.

«— Когда видишь вас на арене или на сцене, понимаешь: легкость, с которой вы работаете, — видимость. Одна только стойка “крокодил”, когда вы стоите на левой руке, а тело вытянуто параллельно манежу, требует огромного усилия. Поэтому, наверное, закономерен следующий вопрос — о здоровье клоуна.

— К счастью, я здоров. На пенсию не собираюсь, хотя мне и осталось 5 лет до получения пенсионного удостоверения. В цирке пенсия назначается после того, как клоун проработал 20 лет, независимо от возраста. Как видите, наш труд приравнивается к самому тяжелому физическому. Поэтому и здоровье у клоуна должно быть геркулесово».*

Однако нашлось и вот такое свидетельство:

«...Тётя Женя (крёстная Л. Енгибарова) была потрясена. И в ответ рассказала мне про девушку из Астрахани. Эта девушка пришла к ней уже потом, после... после Лёниного ухода. И рассказала, что Лёня, когда был на гастролях в Астрахани, жил у них на квартире, и была в то лето страшная жара, а у него почти каждый день по два спектакля... и однажды ему стало плохо, и вызывали “скорую”, и врач сказал: “Пять лет при такой нагрузке”.

К сожалению, астраханский доктор не ошибся. Прошло ровно пять лет — и его страшное предсказание сбылось».**

Как-то не верится в поразительного врача-оракула астраханской скорой помощи. Но всё-таки, выходит, тревожные звоночки были. Разумеется, матери о подобных вещах Леонид ничего не сообщал. А тот приступ посчитал лишь досадным недоразумением из-за астраханской жары и постарался о нём забыть, не до того ему было. Если что-то ещё и случалось с ним потом, а судя по итогу, очень вероятно, ни с кем про то не делился. Нытиком Леонид определённно не был.

«...Примерно за год до кончины ездил Лёня на съемки фильма Тенгиза Абуладзе “Ожерелье для моей любимой” в горы. И там одна женщина, местная гадалка, гадала ему на кофейной гуще. И когда в очередной раз мы с ним встретились, он сказал: “Ты знаешь, я умру через год. Так нагадали. Видно, я точно все-таки талантливый, раз, как Пушкин, умру в тридцать семь”»***

«Кого любят боги — умирают молодыми». Кто-то может возразить: 37 лет — какая же это молодость? Смотря для кого. Леонид сумел сохранить молодость души, именно потому молодёжь всегда так тянулась к нему, годы нисколько его не старили, но, увы, при этом и здоровья не прибавляли.

В этом году исполнилось 80 лет со дня его рождения. И всё же невозможно представить Леонида постаревшим и немощным, тщетно пытающимся сделать своего знаменитого «крокодила» — горизонтальную

* Из интервью Владимиру Шахиджаняну в 1972 г., опубликованного уже после смерти Леонида Енгибарова («Как важно быть серьезным», «Смена». 1973, № 13).

** Мария Романушко, «В свете старого софита» (М, Гео, 2006).

*** Ядвига Кокина, «Боксер, поднимающийся после нокаута» (из книги Александра Росина «Клоун без грима». Издательство Florida-RUS Inc., 2012).

стойку на одной руке. За свою недолгую жизнь он успел многое, недоступное прочим. Был успешным призовым боксёром-победителем, признанным лучшим в Европе ковёрным и мимом. Основателем своего собственного циркового театра и киноартистом, снимавшимся в фильмах С. Параджанова, Р. Быкова, В. Шукшина, Т. Абуладзе, которому писали сценарии и приглашали на роли. Автором блестящих философских реприз и не менее философских лирических миниатюр, подобным стихам в прозе. Но главное – успел почувствовать при жизни, что значит быть нужным и любимым многими человеком.

Легендарный французский мим Марсель Марсо, встретившись в Москве с Месропом Мовсисяном, снимавшим фильм о Енгибарове «И молча сказал он...», произнёс такие слова: «Я знаю трёх ярких конгениальных мимов – Бастер Китон, Чарли Чаплин и ваш Леонид Енгибаров. Однако он не только ваш, он принадлежит всем нам».

Пожалуй, наряду с посвящением Владимира Высоцкого, это лучшая эпитафия великому артисту. Память о нём навсегда принадлежит не одной России или Армении, а всему миру, который он держал на ладони...

«...только одно никогда не забывается, это когда ты стоишь на двух руках, медленно отрываешь одну руку от пола и понимаешь, что у тебя на ладони лежит земной шар».*

* Леонид Енгибаров, миниатюра «Шар на ладони» из сборника рассказов «Последний раунд» (Изд-во «Советакан грох». Ереван, 1984).